

Дмитрий КАТАЕВ

МЕТОД ОСЛИКА ИА

Измышления

12+

Дмитрий Катаев
Метод ослика Иа

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Катаев Д. С.

Метод ослика Иа / Д. С. Катаев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Как метод ослика Иа помогает развивать мышление и становиться умнее?
В чём заключается величие детективов? Почему необходимо слушать
спокойные, вежливые слова? Как книга о похищенных птицах и милиционере
Васе Куролесове способна поменять жизнь человека? Зачем нужна новая
наука ошибкология? В книге содержатся ответы на эти и другие вопросы.

Содержание

Метод ослика Иа	5
Как книги меняют жизнь человека	6
Одно из самых гуманистичных произведений мировой поэзии	8
О второстепенных положительных героях	9
Раскayание в книге «Гарри Поттер и дары смерти»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Метод ослика Иа

Ослик Иа в книге Алана Милна «Винни Пух и все-все-все» является не самым привлекательным героем – прежде всего по причине своего довольно сомнительного характера. Это в советском мультфильме он печальный и немного раздражительный, но в целом весьма симпатичный персонаж, нравящийся многим зрителям, поскольку неотъемлемой особенностью советской мультипликации было стремление облагородить всех литературных героев, имеющих хоть какие-то положительные личностные черты и потенциально склонных к исправлению и развитию. В книге же он довольно малопрятный типаж, с которым нормально общаться очень непросто.

По моему предположению, такой сложный характер у милновского ослика сложился отчасти потому, что ему не хватало внимания и признания со стороны окружающих (если прочесть все главы «Винни Пуха и всех-всех-всех», где есть Иа, то он практически в каждой так или иначе, прямо или намёками, настойчиво просит, чтобы другие герои либо просто похвалили его самого, либо отметили его заслуги – реальные и мнимые). Между тем, этих и признания, и внимания он был вполне достоин – хотя бы за свой очень действенный, пусть и не совсем доработанный, метод выявления причинно-следственных связей.

Метод этот по-настоящему выдающийся, хотя и кажется на первый взгляд довольно банальным. Прочитую знаменитый отрывок книги Милна в переводе Бориса Заходера: «Иногда он грустно думал: «Почему?», а иногда: «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?».

Данные рассуждения весьма примечательны и характеризуют Иа как потенциально очень сильного и незаурядного мыслителя. По сути, этот сказочный игрушечный непарнокопытный персонаж самостоятельно разработал чрезвычайно эффективный способ познания объективной реальности.

Метод ослика Иа при всей его кажущейся простоте позволяет успешно искать и обнаруживать причинно-следственные связи, что крайне важно для формирования системной картины мира, развития правильного мышления и понимания истинной сути вещей и явлений. Умение увидеть причинно-следственные связи – неотъемлемая черта высокого интеллекта, да и вообще очень полезная и важная в жизни вещь, позволяющая индивиду успешно решать проблемы и добиваться успехов в самых разных сферах деятельности.

Если немного усовершенствовать открытие ослика Иа (а именно объединить первые два вопроса в один и применять метод не «иногда» и вразнобой, как делал сам Иа, а регулярно и в комплексе), то суть его будет такова – в отношении каждого происходящего или произошедшего более-менее значимого события или явления задаваться двумя вопросами: «Почему?» (= «По какой причине?») и «Какой из этого следует вывод?», а затем пытаться найти на них ответы.

Как правило, системное использование метода Иа приводит к довольно высоким практическим результатам.

Как книги меняют жизнь человека

У писателя Юрия Коваля есть книга «Пять похищенных монахов».

Книга весьма примечательна сама по себе: во-первых, это своеобразный детектив, во-вторых, продолжение отличной книги про Васю Куролесова, в-третьих, она написана с юмором, причём очень тёплым и тонким, а в-четвёртых, рассказ в ней ведётся в основном от имени героя, который на протяжении всей истории либо молчит, либо говорит только «Ещё бы». Помоему, такой приём в отечественной литературе нигде больше не встречается.

Наверное, взрослым читать это произведение не слишком интересно – в нем довольно много эмоций и преувеличений, – а вот для детей и подростков оно в самый раз. Я прочитал «Пять похищенных монахов» в детстве и сразу полюбил – до такой степени, что регулярно перечитывал. Молчаливый герой, от лица которого и осуществляется повествование, и которого зовут Юрка, на некоторое время стал для меня даже образцом для подражания – я старался говорить как можно меньше, а если и принимал участие в разговоре, то ограничивался фразой «Ещё бы». По понятным причинам, эксперимент очень быстро закончился ничем, но я хорошо его помню.

Есть такое выражение «Книга, которая изменила жизнь». Так вот, «Пять похищенных монахов» в каком-то смысле изменили мою жизнь. Наша семья жила в деревянном доме без удобств, поэтому мыться мы ходили в баню – либо к родственникам в частном доме, либо в общественную. В общественную баню я ходить не любил. Не любил, пока не прочёл книгу Юрия Коваля.

В «Пяти похищенных монахах» Коваль так великолепно описал общественную баню, что я вдруг осознал, насколько это здорово – мыться там.

«В мыльном зале стоял пенный шум, который составлялся из шороха мочал, хлюпанья капель, звона брызг. На каменных лавках сидели и лежали светло-серые люди, которые мылили себе головы и тёрлись губками, а в дальнейшем конце зала, у окованной железом двери, топталась голая толпа с вениками и в шляпах. Дверь эта вела в парилку.

Верзила в варежках и зелёной фетровой шляпе загоразживал дверь.

– погоди, не лезь, – говорил он, отталкивая нетерпеливых. – Пар ещё не готов. Куда вы прёте, слоны?! Батя пар делает!

– Открывай дверь! – напирала на него. – Мы замерзли. Пора погреться!

– Пора погреться! Пора погреться! – кричали и другие, среди которых я заметил Моню.

Дверь парилки заскрипела, и в ней показался тощий старичок. Это и был Батя, который делал пар.

– Валяйте, – сказал он, и все повалили в парилку. Здесь было полутемно. Охваченная стальной проволокой, электрическая лампочка задыхалась в пару.

Уже у входа плотный и густой жар схватил плечи, и я задрожал, почувствовав какой-то горячий озноб. Мне стало как бы холодно от дикого жара.

Гуськом, один за другим, парильщики подошли к лестнице, ведущей наверх, под потолок, на ту широкую деревянную площадку, которую называют по-банному полок. Там и было настоящее пекло – чёрное и сизое.

Падая на четвереньки, парильщики заползли по лестнице наверх. Батя нагнал такого жару, что ни встать, ни сесть здесь было невозможно. Жар опускался с потолка, и между ним и чёрными, будто просмоленными, досками оставалась лишь узкая щель, в которую втиснулись и Батя, и Моня, и все парильщики, и мы с Кренделем.

Молча, вповалку все улеглись на черных досках. Жар пришибал. Я дышал во весь рот и глядел, как с кончиков моих пальцев стекает пот. Пахло горячим хлебом.

Пролежавши так с минуту или две, кое-кто стал шевелиться. Один нетерпеливый махнул веником, но тут же на него закричали:

– погоди махаться! дай подышать!

И снова все дышали – кто нежно, кто протяжно, кто с тихим хрипом, как кролик. Нетерпеливый не мог больше терпеть и опять замахал веником. От взмахов шли обжигающие волны.

– Ты что – вентилятор, что ли? – закричали на него, но остановить нетерпеливого не удалось.

А тут и Батя подскочил и, разрывая головой огненный воздух, крикнул:

– Поехали!

Через две секунды уже вся парилка хлесталась вениками с яростью и наслаждением. Веники жар-птицами слетали с потолка, вспархивали снизу, били с боков, ласково охаживали, шлепали, шмякали, шептали. Престарелый Батя орудовал сразу двумя вениками – дубовым и березовым.

– А у меня – эвкалиптовый! – кричал кто-то.

– Киньте еще четверть стаканчика, – просил Батя. – Поддай!

– Кожа его приобрела цвет печеного картофеля, и рядом с ним, как ёлочная игрушка, сиял малиновый верзила в зеленой фетровой шляпе. Себя я не разглядывал, а Крендель из молочного стал мандариновым, потом ноги его поплыли к закату, а голова сделалась похожей на факел.

От криков и веничной кутерьмы у меня забилось сердце, от близости Мони стучало в ушах. Я схватил Кренделя за руку и потянул по лестнице вниз.

– Давай еще погреемся, – ватно сипел Крендель, кивая факельной головой, но я всё-таки вытянул его из парилки под душ.

Быстро обмывшись, мы вернулись в раздевальный зал и притаились на тронах».

Это только отрывок про баню, в книге про неё написано значительно больше (чего только стоят одни посетители Тиберий и Тибулл, прекрасные сами по себе), но он стал решающим. Прочитав его, я вдруг захотел мыться и париться. Обычно мы с отцом посещали баню по субботам, однако до неё было ещё несколько дней. Все эти дни я страдал. Но когда долгожданная суббота пришла, я пошёл в баню не через не могу, а с огромной охотой, и долго, с наслаждением парился и мылся.

Так я полюбил баню.

Так книги меняют жизнь человека.

Одно из самых гуманистичных произведений мировой поэзии

Горжусь тем, что однажды мне удалось стать свидетелем рождения одного из наиболее выдающихся произведений мировой поэзии.

В 1996 году (была весна, конец апреля или май) в Вологде по адресу улица Народная, 22, где мы, пятеро студентов Вологодского государственного педагогического университета (ныне это просто госуниверситет), в течение двух с лишним лет снимали полдома, была устроена очередная масштабная пьянка. Помимо остальных традиционных участников пьянок на Народной, в ней принял участие наш однокурсник Игорь Викторов. Водки выпили, как обычно, много, поэтому утром всех нас настигло страшное похмелье. Но, поскольку пропито было, как обычно, почти всё, то оставшихся денег не хватило ни на пиво, ни на сигареты.

В результате все мы, в том числе и Игорь Викторов, страшно маялись, однако только Игорь смог сублимировать и перенаправить свои страдания в творческое русло. Помаевшись немного, он неожиданно сказал Сергею Нагибину:

– Я ногами по зубам
Никогда тебе не дам.

Это было весьма достойное двустишие, и я оценил весь гуманизм прозвучавших строк, однако одновременно не принял им слишком серьёзного значения. Тем более, что в тот момент мне было очень плохо.

Помучившись ещё немного, минут пятнадцать-двадцать, Игорь Викторов развил свою мысль и сообщил Сергею:

– Я ногами по зубам
Никогда тебе не дам,
Потому что я гуманен
И я взросл не по годам.

Это было гораздо лучше и поэтичней, однако проявленный гуманизм всё ещё носил относительно частный, а не глобальный характер и был не до конца убедителен в литературном плане, поэтому я мысленно поставил четверостишие хорошую, но не высшую оценку. Важно понимать при этом, что мне всё ещё было очень плохо.

Побыв в мучительном состоянии похмелья и без сигарет ещё какое-то время, Игорь Викторов, бесцельно блуждая по комнатам, прихожей и кухне Народной, 22, окончательно отшлифовал свой стих и представил его нам в следующем виде:

– Я ногами по зубам
Другу никогда не дам,
Потому что я гуманен
И я мудр не по годам.

Я до сих пор помню тот яркий момент просветления, когда, несмотря на всю суровую тяжесть жестокого похмелья, меня поразило чувство благоговения и восхищения перед мощью поэтического дара, выдающейся мудростью и глубоким гуманизмом своего однокурсника. Это было ясное и солнечное утро весны 1996 года, и я понял, что стал свидетелем рождения одного из величайших и гуманнейших стихотворных произведений всех времён и народов.

До сих пор эти великие строки живут во мне, и я всегда буду их помнить:

– Я ногами по зубам
Другу никогда не дам,
Потому что я гуманен
И я мудр не по годам.

О второстепенных положительных героях

Большинству писателей довольно трудно написать хороший убедительный образ положительного героя, потому что внутренний мир положительных героев существенно сложнее внутреннего мира героев отрицательных. Там действуют те же самые инстинкты и эмоции, что и у отрицательных героев, но при этом они довольно успешно (в основном) нейтрализуются, преодолеваются и преображаются высшими чувствами, моралью и разумом. Кроме того, для положительного героя характерны моменты метаний, сомнений, внутренней борьбы и, что самое главное, такой непростой процесс как развитие.

Для отрицательного героя всё это характерно в гораздо меньшей степени. Более того, часто он по своей сути представляет собой просто животное, а описать жизнь животного гораздо проще, чем человека. Создать образ Печорина, который ест, дышит, ходит, разговаривает и при этом постоянно ломает судьбы окружающих людей, параллельно записывая свои плоские мысли и сентиментально размышляя о том, какой он хороший и непонятый, гораздо легче, чем развить образ Максима Максимовича, который тоже не раз сталкивался в жизни с возможностями соблазнить молодую наивную барышню, увести у жениха и довести до деградации и гибели туземку или разозлить и пристрелить товарища, но который отказался обменять животные удовольствия на сломанные судьбы и погубленные жизни и сознательно встал на светлую сторону.

Поэтому положительные герои в большинстве случаев существуют на страницах книг как второстепенные персонажи. Писатели откровенно халтурят и экономят силы и время на раскрытии их образов, поскольку это слишком трудный и энергозатратный процесс.

Блеск и нищета музыкальных критиков, писавших о «Queen»

»

В молодости я довольно активно читал публикации различных рок-критиков и музыкальных обозревателей о группе «Queen». Публикаций этих было мало, но, тем не менее, они были и появлялись в различных специализированных и неспециализированных изданиях весьма регулярно.

Для большинства этих статей была характерна одна общая особенность. Когда авторы писали о музыке «Queen», то в большинстве случаев делали это весьма неплохо и со знанием дела. Когда же они приступали к анализу её текстов, то ситуация сразу же резко менялась в худшую сторону.

В большинстве случаев литературный анализ «квиновских» песен сводился к выискиванию в них различных гомосексуальных подтекстов и намёков. Песня «Wicycle case» в трактовке выдающихся музыкальных аналитиков превращалась в гимн бисексуальности, песня «You're my best friend», которую Джон Дикон написал про свою подругу и будущую жену, превратилась у них в песню про извращённую любовь к товарищу, в «Bohemian rhapsody» они углядели нечто крайне непристойное в строчках «Мама, just killed a man, put a gun against his head», и так далее. Это было похоже на какую-то особую заразную болезнь, поражающую исключительно рок-критиков и рок-обозревателей, поскольку они страдали ею почти все. Я здорово портил себе настроение, когда читал подобные музыковедческие опусы, и в итоге со временем прекратил такое чтение вообще.

Между тем, тексты песен «Queen», особенно ранних и поздних, – одни из лучших и интереснейших не только среди англоязычных рок-групп, но и среди англоязычных музыкальных коллективов вообще. Какой-нибудь действительно хороший начинающий литературовед мог бы сделать себе неплохую научную карьеру, написав по ним диссертацию.

Если взять, например, их второй, совершенно чудесный альбом «Queen II», являющийся настоящим шедевром, то там можно даже навскидку, «пройдясь по верхам», найти немало отсылок к мировой мифологии, английскому фольклору, Шекспиру, Библии и т.п., а заодно обнаружить значительное количество красивых речевых оборотов и ярких образов.

Однако общий уровень большинства рок-обозревателей таков, что они предпочитают выискивать в произведениях «Queen» намёки на нетрадиционную любовь и сплошь и рядом находят их – как правило, там, где их нет. Не то чтобы эти намёки отсутствовали совсем (по всей видимости, что-то такое есть, например, в меркьюриевской «Get down, make love»), но их очень и очень мало – гораздо меньше, чем считается у рок-критиков. Хотя я, например, удивляюсь, как они не нашли такой очевидный подтекст вот в этих строчках из «Seaside Rendezvous»: «Get a new facial – So sensational», с их-то вниманием к подобным деталям.

Впрочем, что касается нетрадиционной любви, то «Queen» действительно писали про неё песни. Я даже знаю две таких: одну – про любовь к машине, «I'm in love with my car», а вторую – про любовь к кошке, «Delilah».

Раскаяние в книге «Гарри Поттер и дары смерти»

Книга Джоан Роулинг «Гарри Поттер и дары смерти» – настоящий шедевр, который можно смело ставить в один ряд с признанными произведениями мировой литературной классики.

Собственно, хороши все без исключения части поттерианы, поскольку это весьма качественная (и по форме, и по содержанию) литература, полезная для чтения не только детям и подросткам, но и взрослым. Тем не менее, лично мне седьмая часть нравится больше всех остальных.

Дело не только в том, что в «Дарах смерти» встречаются и сплетаются все сюжетные линии и разрешаются все проблемы предыдущих книг. И не только в общих достоинствах, присущих Роулинг как писателю, среди которых создание вполне убедительного уникального мира, интересная и доступная подача сложного материала, глубокое раскрытие характеров, качественный юмор и многое другое. И не только в том, что в процессе работы стиль Роулинг совершенствовался (это отчётливо заметно по мере последовательного чтения всех книг про Гарри Поттера), в результате чего практически каждая последующая часть семикнижия получалась лучше предыдущей, а «Дары» – это самая последняя книга и она, соответственно, получила серьёзный шанс стать лучше всех остальных.

«Гарри Поттер и дары смерти» – это особое произведение, в котором как почти нигде больше (я, во всяком случае, не могу с ходу вспомнить подобные попытки у других авторов) исследуется и раскрывается такая сложная тема, как раскаяние. Она проходит через книгу красной нитью и выражена очень чётко. Раскаяние испытывают или с раскаянием так или иначе сталкиваются очень многие герои книги.

Самый яркие примеры – это, конечно, Дамблдор и Снэйп. Из-за юношеских заблуждений Дамблдора погибла его младшая сестра, а Снэйп обрёк на смерть женщину, которую любил, и её мужа, – родителей Гарри, – сделав самого Гарри сиротой. Эти события и собственная неприглядная роль в них настолько потрясли обоих, что они испытали глубочайшее раскаяние и в результате на всю оставшуюся жизнь сознательно перешли, как сейчас принято говорить, «на светлую сторону». Дамблдор стал одним из самых добрых, мудрых и сильных волшебников всех времён, помог множеству людей, победил могущественного злодея Гриндевальда и внёс большой вклад в победу над Волдемортом. Снэйп взял Гарри и его друзей под свою незримую защиту и, притворяясь верным соратником Тёмного лорда, неоднократно приходил им на помощь, а порой и откровенно спасал, также сыграв важную роль в итоговой победе.

Но только этими двумя персонажами дело не ограничивается. Раскаявшийся Регулус Блэк похищает крестраж Волдеморта с целью отнять у него часть силы, чётко понимая, что в результате неизбежно погибнет сам. Раскаявшийся, что в трудную минуту оставил своих товарищей на произвол судьбы, Рон возвращается и спасает Гарри жизнь. Раскаявшийся Перси Уизли воссоединяется со своей семьёй в самый сложный момент – именно тогда, когда многие другие, наоборот, бросили бы её окончательно, – и успешно воюет с пожирателями смерти. Брат Дамблдора Аберфорт, первоначально крайне скептически и даже враждебно относившийся к своему брату и его деяниям, пересматривает свои взгляды и неоднократно помогает Гарри, а потом активно участвует в заключительной битве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.